

Сотканы из лунного света

АННА ДЕЛМАН

Анна Делман

Сотканы из лунного света

«Автор»

2026

Делман А.

Сотканы из лунного света / А. Делман — «Автор», 2026

Алиса Градова — текстильный художник, наследница старинной мастерской «Лунный шёлк» и бабушкиной веры в то, что нити, вытканые при свете луны, хранят сны и судьбы. Она привыкла прятаться от мира за работой и никому не доверять после предательства жениха. Максим Ершов — астрофизик из Пулковской обсерватории, скептик, для которого луна связана не с магией, а с личной трагедией. Он дважды терял любимых в полнолуние и поклялся больше никогда не подпускать никого близко. Их сталкивает амбициозный проект: создать двенадцать гобеленов «Фазы Луны» для нового арт-пространства. Наука и искусство, холодный расчёт и трепетная интуиция — с первой встречи они готовы растерзать друг друга. Но вынужденный тандем заставляет их не только работать рядом, но и заглянуть в собственное прошлое.

© Делман А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Нить серебряная	5
Глава 2. Звёздный станок	10
Глава 3. Узор созвездий	17
Глава 4. Теневые петли	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна Делман

Сотканы из лунного света

Глава 1. Нить серебряная

Луна в белую ночь — зрелище особенное, почти противоестественное. Она не царит на небе, а скромно висит сбоку, бледная, чуть золотистая у горизонта, будто сама стесняется своего присутствия в этом вечном сумеречном молоке, разлитом над Петербургом. Для кого-то белые ночи — время бессонницы и прогулок, для других — повод задернуть шторы поплотнее. А для Алисы Градовой это было единственное время суток, когда мир затихал достаточно, чтобы можно было работать по-настоящему.

В мансарде старого дома на 16-й линии Васильевского острова горела единственная лампа. Но не обычная — с тёплым, жёлтым абажуром, — а холодная, спектральная, настроенная на длину волны 480 нанометров. Тот самый голубовато-серебряный свет, каким луна заливает пустыни и моря. Алиса собрала эту лампу сама три года назад, перебрала десяток светодиодов, пока не добилась того самого оттенка, который бабушка Вера называла «лунным молоком».

Сейчас этот свет падал на её руки — тонкие, с вечно исколотыми иглой подушечками пальцев и коротко, без маникюра, стриженными ногтями. Руки текстильщицы. Руки, которые помнили на ощупь разницу между шёлком-сырцом и кручёной нитью, между органзой и батистом, между крашенным химией шёлком и тем, что выбеливался только росой и луной.

Перед ней на настольном станке была заправлена миниатюра — двадцать на тридцать сантиметров, не больше. Заказ для частного клиента: «Лунная дорожка на воде». Всего лишь декоративное панно для спальни какой-то дамы с Рублёвки, которая, скорее всего, повесит его напротив кровати и никогда не поймёт, *как* именно соткана эта рябь на воде. А соткана она была в четыре руки — шёлк основы и серебряная нить утка, проложенная так, чтобы менять оттенок в зависимости от угла зрения.

Алиса откинулась на спинку стула, разминая затёкшую шею. За окном, поверх крыш, всё ещё висело то странное, белесое небо, которое в июне не темнеет до конца. Луна — сегодня узкий серп, почти скрытый облаками — висела над трубой котельной. Алиса машинально коснулась пальцами стекла, будто здороваясь.

— Ну, здравствуй, — прошептала она.

Этой привычке её научила бабушка. «С луной всегда здоровайся, Алиска, — говорила она, поправляя очки в тонкой золотой оправе. — Она же живая. Она на тебя смотрит. И если ты ей понравишься, она тебе поможет».

Бабушка Вера умерла четыре года назад, в апреле, когда луна шла на убыль. Алиса тогда как раз заканчивала диплом в Мухинском училище — проект по реставрации церковного облачения XIX века. Она помнила, как сидела в больничном коридоре, пахнущем хлоркой и пирожками, и смотрела в телефон на график лунных фаз. «Убывающая луна — время завершения», — гласила подпись. Бабушка ушла именно так, как жила: без шума, без борьбы, просто выдохнула в полдень, когда луны на небе не было вовсе. И оставила Алисе мастерскую, станок с табличкой «Лунный шёлк», коробку дневников и веру в то, что нити, вытканые при правильном свете, хранят в себе больше, чем просто узор.

Алиса никогда не рассказывала об этом клиентам. В мире текстильного дизайна и так хватало эзотериков, торгующих «сакральной вышивкой» и «обережными узорами» с наценкой в триста процентов. Она не хотела быть одной из них. Она просто работала. Ночами. При

лунном свете. И иногда — вот как сейчас — ей казалось, что нить сама ложится в нужный узор, будто кто-то водит её рукой.

Звякнул ноутбук. Алиса вздрогнула.

В такой час ей могли написать только двое: либо подруга Соня, которая по ночам шила свадебные платья и слала Алисе фотографии особенно удачных оборок, либо кто-то из заказчиков, перепутавших часовые пояса. Но сегодня было третье.

На экране высветилось уведомление: новое письмо от отправителя «Вера Игнатьевна. Галерея современного текстиля "Серебро"».

Алиса нахмурилась. Галеристка Вера Игнатьевна Томилина была фигурой в петербургском арт-мире известной: за семьдесят, с копной совершенно белых волос, уложенных в высокую причёску, с вечным мундштуком, который она не зажигала — просто держала в пальцах для акцента. Она торговала текстилем, но не тем, что «для штор», а концептуальным: гобеленами, панно, арт-ткачеством. Алиса делала для неё пару заказов — небольших, но галеристка их запомнила.

«Алиса, здравствуйте. У меня к вам предложение не совсем обычного формата. Речь о большом проекте для нового арт-пространства в „Манеже“. Я ищу художника, способного создать серию из двенадцати крупных гобеленов. Тема — „Фазы Луны“. Бюджет выделен серьёзный, сроки — полтора года. Если заинтересованы, прошу на личную встречу в среду, 11:00. Галерея. Прилагаю техзадание. С уважением, В.И.»

Алиса перечитала письмо дважды. Потом открыла приложение.

Двенадцать гобеленов. Размер каждого — полтора на два метра. Тема: лунные фазы в их естественнонаучном и культурно-мифологическом аспектах. Партнёрство с Пулковской обсерваторией. Научный консультант. Кураторское сопровождение. Выставка в новом зале «Манежа» через восемнадцать месяцев.

У неё пересохло во рту.

Это был не заказ. Это был шанс всей жизни. Именно то, ради чего бабушка Вера когда-то и создала мастерскую «Лунный шёлк». Именно то, о чём Алиса боялась даже мечтать, ограничиваясь частными миниатюрами и реставрацией.

И именно то, что пугало её до чёртиков.

Она встала, прошла по мастерской. Босые ноги ступали по вытертому дощатому полу, который бабушка когда-то покрыла лаком, а теперь лак облупился ровно на том месте, где Алиса обычно крутилась в кресле. Вдоль стен стояли корзины с мотками: шёлк-сырец, шерсть, лён, какие-то синтетические нити, которые она почти не использовала. На стеллаже — книги: «Техника ручного ткачества», «Лунный календарь садовода и ткача», «Мифология ночи», бабушкины дневники в коленкоровых обложках, каталог текстиля XVIII века.

Двенадцать гобеленов.

Это значило — выйти из тени. Из этой уютной мансардной норы, где она пряталась последние два года. Перестать быть «той девушкой, которая делает красивые миниатюры на заказ», и стать — кем? Художницей с большой буквы? Автором выставочного проекта?

А если не справится? Если её «лунная магия» окажется просто бабушкиными сказками, а настоящая работа требует не интуиции, а чёткого плана? Если она подведёт Веру Игнатьевну, подведёт саму память бабушки?

Она подошла к окну. Луна уже совсем побледнела — небо на востоке начало сереть, наливаясь тем странным, перламутровым свечением, которое бывает только в июне. Где-то вдалеке, за крышами, прокричала первая чайка. Через час-полтора наступит то, что астрономы называют навигационными сумерками — когда солнце уже близко к горизонту, но ещё не взошло.

Алиса вдруг вспомнила бабушкин голос: «Страх — это та же нить, Алиска. Только тёмная. Ты её не обрезай, а вплетай в узор. Тогда она станет частью красоты».

Она вернулась к ноутбуку, постояла, держа пальцы над клавиатурой. Потом быстро напечатала: «Вера Игнатьевна, доброй ночи (или уже утра). Предложение принято. В среду буду. Спасибо за доверие. Алиса».

Отправила. Выдохнула.

И, уже заваривая себе чай с мятой, не знала, что в эту самую минуту на Пулковских высотах, в пятнадцати километрах от неё, другой человек тоже смотрит на луну — но совершенно иначе.

В обсерватории пахло пылью, нагретой электроникой и кофе. Точнее, кофе уже не пах — он остыл в кружке час назад, покрывшись радужной плёнкой. Максим этого не замечал. Он сидел перед монитором, подключённым к системе телескопа-рефрактора, и смотрел на экран с таким выражением лица, с каким смотрят не на небесные тела, а на сложный математический ребус.

Луна на экране была не романтической. Она была чёткой, резкой до режущей глаз ясности, расчерченной координатной сеткой, с подписанными кратерами и морями. Сейчас он работал с участком в районе Моря Дождей — снимал серию кадров для фотометрического анализа. Никакой магии. Только оптика, свет и цифры.

— Ну, давай, родная, — пробормотал он, щёлкая мышкой. — Покажи мне эти проклятые облака.

Серебристые облака — редкое атмосферное явление, которое в последние годы всё чаще регистрировали в средних широтах. Максим охотился за ними уже третье лето подряд: они появлялись внезапно, на высоте около восьмидесяти километров, и подсвечивались солнцем, уже ушедшим за горизонт. Тонкие, светящиеся, похожие на паутину, сотканную из ледяных кристаллов. Красивые — этого Максим не отрицал. Но «красиво» для него никогда не было аргументом. Красота — это просто определённый порядок структур, резонанс восприятия. Иллюзия, порождённая эволюцией.

Максим Ершов, тридцати двух лет, астрофизик, сотрудник Пулковской обсерватории, кандидат наук, автор двух десятков статей и монографии «Луна: от мифа к спектрограмме», не верил в магию. Не верил в астрологию. Не верил в судьбу, в предзнаменования, в бабушкины приметы и в то, что луна влияет на человеческое поведение как-то иначе, чем через гравитацию и освещённость.

Он вообще предпочитал не верить ни во что, что нельзя было измерить и обчислить.

И это делало его идеальным учёным — и очень, очень уставшим человеком.

Телефон завибрировал в кармане. Максим глянул на экран: «Вера Томилина». Он поморщился.

С галеристкой он познакомился месяц назад на каком-то дурацком арт-семинаре, куда его затащил Глеб, коллега по обсерватории, со словами: «Там будут симпатичные художницы». Художницы оказались не симпатичными, а восторженными и совершенно бестолковыми в том, что касалось астрономии. Одна из них спросила Максима, правда ли, что полнолуние вызывает приливы *в человеческой крови*. Он тогда ответил что-то резкое, зато познакомился с Верой Игнатьевной, которая явно забавлялась его реакциями и к концу вечера сообщила: «А вы, молодой человек, именно тот циник, который нужен моему проекту. Я вам позвоню».

И вот — позвонила.

— Максим Андреевич, — проскрипела трубка её узнаваемым, чуть прокуренным голосом. — Не слишком поздно?

— Для меня — нет. Для нормальных людей — да.

— Отрадно. Слушайте внимательно. Я делаю большой текстильный проект. Двенадцать гобеленов, тема — «Фазы Луны». Мне нужен научный консультант. Человек, который разби-

рается в луне лучше, чем кто-либо в этом городе. И который не станет петь дифирамбы художнице, а скажет ей правду: вот здесь у вас, барышня, кратер не той формы.

Максим хмыкнул. Идея соединить науку с ткачеством звучала настолько абсурдно, что заинтриговывала.

— Зачем вам это? Серьёзно — зачем текстилю наука?

— А вы приходите — и узнаете, — в её голосе послышалась улыбка. — Гонорар обсудим отдельно. И, кстати, часть ваших лунных снимков я хочу включить в экспозицию. Публика увидит то, что вы делаете. Это же ваша мечта, насколько я поняла?

Максим помолчал. Мечта — громкое слово. Но да, он много лет пытался пробить идею выставки астрофотографии для широкой публики. Наука не должна прятаться в академических журналах. Луна принадлежит всем, а не только физикам.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Давайте встретимся.

— В среду, одиннадцать утра, галерея «Серебро». И, Максим Андреевич...

— Да?

— Будьте помягче с художницей. Она талантлива, но... хрупкая. Как лунный свет.

Он хотел ответить, что лунный свет не хрупкий, а просто отражённый, но Вера Игнатьевна уже повесила трубку.

Максим откинулся в кресле. За окном башни небо уже заметно посветлело. Луна, за которой он наблюдал, окончательно растворилась в утренней дымке, уступая место солнцу. Через пару часов начнётся обычный рабочий день: семинар, аспиранты, отчёты, спектрограммы. Но вместо привычного удовлетворения от проделанной работы он вдруг почувствовал странную пустоту.

Вера сказала: «хрупкая, как лунный свет». Интересно, что за художница? Какая-нибудь очередная экзальтированная особа с браслетами из лунных камней и верой в астропрогнозы? Таких он за свою жизнь повидал достаточно. Они приходили на экскурсии в обсерваторию, ахали, глядя в телескоп, а потом спрашивали: «А правда, что в полнолуние нельзя стричься?». Он всегда отвечал: «Правда. У меня нет статистических данных, но ножницы в полнолуние тупятся». Шутка была не смешная, но он улыбался — по долгу службы.

Максим встал, потянулся до хруста в позвоночнике. Подошёл к окну. Вид с Пулковских высот открывался великолепный: город лежал внизу, в лёгкой утренней дымке, ещё не проснувшийся, притихший. Петербург сверху всегда казался ему игрушечным макетом, чётко расчерченным линиями проспектов и каналов. Упорядоченным. Логичным.

Но он знал, что это иллюзия. Вблизи город был хаосом — как и всё на свете. Хаосом эмоций, случайностей, нелепых совпадений и необъяснимых трагедий.

Он перевёл взгляд на фотографию, стоявшую на краю стола. Девушка с русыми волосами улыбалась в объектив, на фоне Невы и разведённого моста. Лена. Она любила эту фотографию, говорила: «Тут я настоящая, видишь?». Максим видел. Он вообще многое видел тогда — и не уберёт.

Снимок стоял так, что лунный свет, падая из окна в определённые ночи, касался её лица. Раньше Максим поворачивал рамку — теперь перестал. Что-то в этом жесте было правильное. Словно луна, которую он так отчаянно препарировал всю жизнь, всё равно оставалась связана с тем, что он потерял.

Он не позволил себе развить эту мысль. Захлопнул ноутбук, взял остывшую кружку и направился к кофемашине. Через четыре часа ему предстояло читать лекцию аспирантам о спектральном анализе лунной поверхности. А через два дня — встреча с неведомой художницей, которая, видимо, думает, что луна состоит из серебряной пряжи и девичьих грёз.

Ну что ж. По крайней мере, будет интересно поспорить.

Он налил себе свежий кофе и не заметил, что машинально, как делал каждое утро последние несколько лет, бросил взгляд на фотографию и едва слышно — одними губами — прошептал:

— Здравствуй.

Через несколько минут, но с другой стороны города, Алиса, укутавшись в старый бабушкин палантин, стояла на крыше своей мастерской и смотрела, как солнце поднимается над городом. Луна уже совсем исчезла — растворилась без следа, как серебряная нить, упавшая в воду. Но она знала, что вечером та вернётся. Всегда возвращается.

Внизу, на столе, остался светиться экран ноутбука с подтверждением встречи. На станке сохла законченная миниатюра — «Лунная дорожка». А в душе у Алисы, поверх привычной, глухой тревоги, впервые за долгое время прорастало что-то новое — предчувствие. Или надежда.

Она ещё не знала, что её бабушкин дневник, лежащий на полке, хранит упоминание некоего астронома с инициалами К.М. И уж точно не знала, что у человека, с которым ей предстоит работать, — тёмные, почти чёрные глаза, резкие скулы и та же фамилия, что и у того астронома из 1965 года.

Но нить уже была заправлена в основу. И станок судьбы, скрипнув, пришёл в движение.

Глава 2. Звёздный станок

Галерея современного текстиля «Серебро» располагалась в бывшем доходном доме на Моховой улице — в том изгибе, где город начинает тихо, почти незаметно перетекать из парадного имперского великолепия в уютную, чуть обветшалую интеллигентность. Вход был с тихого двора-колодца: никаких кричащих вывесок, только небольшая латунная табличка у массивной дубовой двери и витрина, в которой сейчас висело панно из серого, лунного оттенка шёлка, расшитого стеклярусом.

Алиса пришла за пятнадцать минут до назначенного срока. Она всегда приходила заранее — не из вежливости, а из тайного, тщательно скрываемого страха опоздать. Бабушка говорила: «Опоздание — это неуважение к чужому времени». И Алиса впитала это правило намертво, вместе с привычкой здороваться с луной и никогда не начинать работу в новолуние.

Сейчас она стояла перед дверью, нервно разглаживая невидимые складки на подоле платья. Оделась она продуманно и слегка непривычно для самой себя: вместо обычных джинсов и заляпанной краской туники — длинное платье цвета тёмного серебра с ручной вышивкой по вороту (её собственная работа, ещё с третьего курса), замшевые балетки, волосы убраны в низкий пучок. В руках — большая папка с эскизами и потёртая коленкоровая тетрадь: бабушкин дневник за 1965-1967 годы.

На самом деле, Алиса волновалась так, что кончики пальцев покалывало. Она вчера почти не спала — сначала листала дневник, перечитывая полустёртые записи, потом рисовала эскизы, пытаясь угадать, что именно понадобится показать галеристке. А потом поняла, что делает это зря — лучше прийти с тем, что уже есть, с тем, во что веришь сама. Дневник и альбом. Два главных артефакта её жизни.

Она глубоко вдохнула, толкнула дверь и вошла.

Внутри было полутемно и прохладно. Такой свет — приглушённый, рассеянный, люющийся откуда-то сверху, будто сквозь облака, — Алиса узнала мгновенно: Вера Игнатьевна знала толк в экспозиционном освещении. Никаких жёстких теней, никакой желтизны — только ровное, чуть холодноватое сияние, в котором текстиль на стенах выглядел живым. Гобелены, панно, объёмные вышивки — они висели в простенках и нишах, подсвеченные так, что ткань дышала, переливалась, и казалось, что можно разглядеть каждый уток, каждую ворсинку.

Алиса замерла перед одной из работ — огромным, метра два в высоту, панно «Северное сияние». Оно было сделано из натурального шёлка холодной окраски: изумрудные, фиолетовые, серебряные нити перетекали друг в друга, как настоящее полярное свечение. Это была работа мастера, которого Алиса знала заочно — Елены Кротовой, ученицы бабушкиной подруги. Она рассматривала стежки, почти физически ощущая, как радость узнавания смешивается с уколом зависти: «Я так не умею. Пока не умею».

— Это ловить очень трудно, — раздался голос из глубины галереи, — момент, когда свет падает под углом ровно в семь градусов к основе. Кротова три месяца выставляла лампы.

Алиса обернулась. Вера Игнатьевна Томилина стояла в проёме арочного прохода, ведущего во второй зал, и курила свой неизменный мундштук, который на этот раз даже был зажжён. Высокая, худая, в чём-то бесформенном и дорогом — то ли кардигане, то ли халате из плотного японского хлопка, — с серебряной стрижкой ёжиком и глазами навывкате, умными и слегка насмешливыми.

— Здравствуйте, Алиса. Пунктуальность красит мастера.

— Здравствуйте, Вера Игнатьевна. — Алиса слегка поклонилась, чувствуя себя неловко. — Спасибо, что пригласили.

— Пока не за что. Пойдёмте в кабинет. Через десять минут подойдёт научный консультант, и я хочу успеть сказать вам пару вещей до его прихода.

Они прошли через анфиладу залов, где Алиса едва успевала вертеть головой по сторонам, выхватывая детали: панно из переработанного денима, абстрактный триптих из конского волоса, витрина с миниатюрами XIX века. Галерея была не просто коммерческой точкой — это был музей, кураторский проект, собранный с безупречным вкусом. И Вера Игнатьевна явно была его душой.

Кабинет оказался за стеклянной перегородкой в дальнем конце анфилады. Ничего лишнего: стальной стол, два стула, жёсткий диван, на стене — одна-единственная работа: чёрно-белый гобелен, изображающий лунную поверхность, вытканый крупными, грубыми узлами, напоминающими кратеры.

— Моя любимая, — сказала Вера Игнатьевна, перехватив взгляд Алисы. — Ленинградская школа, 1978 год. Автор — Клавдия Смирнова. Слышали о такой?

— Нет, — честно призналась Алиса.

— И не услышите. Она умерла в безвестности. А между тем это единственная в своём роде попытка передать лунную топографию через текстуру ткани. — Галеристка села за стол, жестом приглашая Алису располагаться. — Именно Смирнова навела меня на мысль, что луна и текстиль связаны глубже, чем кажется. Вы, я знаю, понимаете это и без меня.

— Понимаю, — тихо сказала Алиса, убирая папку на колени.

— Тем лучше. — Вера Игнатьевна затушила мундштук в тяжёлой пепельнице. — Теперь слушайте внимательно. Проект, который я затеяла, необычен не только масштабом. Он — про пересечение двух языков. Языка науки и языка искусства. На западе это называют science art, но мне термин не нравится. Я называю это «звёздным станком» — когда научные данные становятся основой, а художественное видение — утком. Понимаете?

Алиса кивнула. Метафора была ей близка.

— Я хочу, чтобы каждый гобелен серии «Фазы Луны» был точен с научной точки зрения и безупречен с художественной. Чтобы зритель, глядя на вашу работу, одновременно видел и реальную, астрономическую луну, и ту, что живёт в мифах, в поэзии, в снах. И для этого мне нужен тандем. Вы — как художник. И человек, который знает о луне всё.

— Научный консультант?

— Да. Его зовут Максим Ершов. Астрофизик из Пулково. Автор монографии «Луна: от мифа к спектрограмме». Блестящий учёный и, как вы скоро убедитесь, человек...

Вера Игнатьевна сделала паузу, подбирая слово.

— Непростой, — закончила она. — Он скептик, циник и терпеть не может ничего, что не укладывается в его картину мира. Я вас предупредила.

— А зачем тогда...

— Затем, что он лучший. И затем, что его скепсис — это точильный камень. Если ваша идея переживёт столкновение с ним, она переживёт всё. Публику. Критику. Время.

Алиса хотела ответить, но в этот момент в прихожей звякнул колокольчик входной двери, и через секунду в проёме кабинета возник мужчина.

Она увидела его силуэт прежде, чем лицо: высокий, сутуловатый, в тёмной водолазке и узких брюках, с планшетом под мышкой. Волосы — тёмные, чуть вьющиеся, растрёпанные то ли ветром, то ли привычкой запускать в них пальцы. Лицо — с резкими, будто прочерченными одной сильной линией скулами и тяжёлым, не улыбочивым ртом. И глаза. Тёмно-карие, почти чёрные, с таким выражением, будто он только что решил сложную задачу и остался недоволен ответом.

Максим Ершов. Научный консультант.

— Не опоздал? — спросил он вместо приветствия, и голос у него оказался низкий, с лёгкой хрипотцой — голос человека, который много молчит и мало спит.

— Почти, — ответила Вера Игнатьевна. — Знакомьтесь. Алиса Градова — текстильный художник, реставратор. Максим Ершов — астрофизик.

Максим перевёл взгляд на Алису. Она почувствовала, как этот взгляд скользнул по ней — оценивающе, быстро, без тени теплоты. Он не то чтобы рассматривал её — он скорее сканировал, как сканируют неизвестный объект: классифицировать, занести в каталог, определить потенциальную опасность.

— Здравствуйте, — сказала Алиса, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Добрый день. — Он сел на второй стул, положил планшет на стол и скрестил руки на груди — закрытая поза, отгораживающая.

— Итак, — Вера Игнатьевна откинулась на спинку стула, явно наслаждаясь ситуацией, — поскольку вы оба согласились участвовать в проекте, предлагаю начать с представления идей. Алиса, покажите, пожалуйста, ваши эскизы. Максим, вы потом покажете свои материалы. Я хочу, чтобы вы увидели подходы друг друга.

Алиса развязала тесёмки папки. Руки слегка дрожали — она надеялась, что это незаметно. Вынула альбом: большой, формата А3, в обложке из серого полотна. Раскрыла на первой странице.

— Это не готовые эскизы гобеленов, — сказала она, стараясь обращаться к обоим, но глядя в основном на Веру Игнатьевну, — это, скорее... образный ряд. Моё ощущение лунных фаз.

На первом листе было новолуние — или, вернее, его отсутствие. Чёрная бумага, на которой серебряным карандашом был процарапан тончайший, едва заметный контур невидимого диска, окружённого россыпью звёзд. Ниже — намётка: «Гобелен №1. Новолуние. Основа — чёрный шёлк, уток — серебряная нить. Эффект невидимого присутствия. Луна, которая есть, но не видна».

— Я хочу, чтобы каждый гобелен передавал не только астрономическую фазу, но и её... психологическое состояние, что ли. Новолуние — это тишина, обещание, начало. Тьма, которая не пугает, а укачивает.

Она перевернула страницу. Молодой месяц — узкий серп, обведённый жемчужным свечением. Рисунок был стилизован под восточную миниатюру, с тонкими растительными орнаментами по краям.

— Первая четверть. Растущая луна. Это — надежда, рост, движение вперёд. Я вижу это в оттенках серебра и зелени...

— Простите, — перебил Максим. Голос у него был ровный, но в этом ровном тоне звенела едва уловимая ирония. — Можно вопрос?

Алиса подняла голову. Встретилась с ним глазами и вдруг поняла, что весь её тщательно выстроенный покой сейчас разлетится вдребезги. Она это почувствовала — как чувствуют приближение грозы по запаху озона.

— Конечно.

— Вы сказали «надежда, рост, движение». Это ваша личная интерпретация или она на чём-то основана?

— На мифологии. На архетипах. На...

— На мифологии, — повторил он, и это прозвучало почти как приговор. — Алиса, — он впервые назвал её по имени, и от этого стало только хуже, — проект предполагает научную точность. Вы знаете, что серп луны в первой четверти освещён солнцем под углом ровно в девяносто градусов? Что либрация по долготе в этот момент достигает максимума? Что поверхность в районе терминатора даёт самые длинные тени, позволяющие изучать рельеф?

Алиса сглотнула. Вера Игнатьевна молчала, наблюдая.

— Я знаю, — сказала она, чувствуя, как горят щёки. — Я не имела в виду, что астрономическая точность не важна. Я говорила о художественной концепции.

— Концепция без фактов — это просто вышивка крестиком, — отрезал Максим. — Если мы делаем проект с претензией на science art, то каждая деталь должна быть верифицируема. Иначе это дилетантство.

В комнате повисла тишина. Такая густая, что было слышно, как на Моховой проехал трамвай и где-то вдалеке залаяла собака.

Алиса медленно закрыла альбом. Внутри у неё что-то дрожало — не страх, не обида, а холодная, твёрдая злость. Та самая злость, которая в детстве помогала ей не плакать, когда дразнили в школе, а во взрослой жизни — выдерживать капризы заказчиков.

— Позвольте и мне задать вопрос, — сказала она, и голос прозвучал неожиданно твёрдо. — Вы, как я понимаю, консультант. Ваша задача — помочь мне сделать гобелены точными с научной точки зрения. Так?

— Так.

— Тогда объясните, почему вы начинаете разговор с оскорбления?

Максим чуть приподнял бровь. Вера Игнатьевна, которую ситуация явно забавляла, чуть подалась вперёд.

— Я не оскорблял вас.

— Вы назвали мою работу дилетантством. Вы увидели два эскиза из двенадцати и уже вынесли приговор. Вы, — она наклонилась вперёд, и серебряная нить, вплетённая в ворот её платья, блеснула в свете лампы, — даже не спросили, что означают орнаменты. А они, между прочим, основаны на траекториях лунной либрации. Я их изучала. Сама. Перед тем, как рисовать.

Максим чуть сощурился. Что-то в выражении его лица изменилось — может быть, на долю градуса, но изменилось. Исчезла та лёгкая, презрительная скука, с которой он слушал её минуту назад.

— Орнаменты основаны на траекториях либрации?

— Да. Вот этот завиток, — она снова раскрыла альбом, ткнула пальцем в рисунок, — это визуализация лунной либрации по широте за месяц. Этот — по долготе. Я взяла реальные графики из открытых источников NASA и перевела их в орнамент. Это не просто «красивый узор». Это тот же самый научный факт, но выраженный другим языком.

В комнате снова стало тихо, но теперь эта тишина была другой — не напряжённой, а задумчивой. Максим смотрел на рисунок, и Алиса видела, как в его глазах происходит какая-то быстрая, почти механическая работа: анализ, сравнение, переоценка.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Это интересно.

— Это интересно? — Вера Игнатьевна рассмеялась. — Максим Андреевич, вы только что получили по носу от художницы, а говорите «интересно»? Я думала, вы будете спорить дальше.

— Я учёный, а не спорщик, — сухо ответил он. — Если факты говорят не в мою пользу, я это признаю. — Он перевёл взгляд на Алису. — Я погорячился с формулировкой «дилетантство». Приношу извинения.

Это было сказано ровно, без особого тепла, но и без фальши. Алиса почувствовала, как отпускает — не до конца, но достаточно, чтобы разжать пальцы, сцепившиеся в альбом.

— Я принимаю извинения, — сказала она. — Теперь ваша очередь показывать материалы.

Максим открыл планшет. На экране высветилась презентация — сухая, академическая, с таблицами и графиками. Он пролистнул несколько слайдов: схема лунных фаз с указанием точных углов, спектрограмма отражённого света, карта лунной поверхности с координатной сеткой.

— Вот это — научная база, которую я предлагаю использовать. Каждая фаза должна быть воспроизведена с точностью до угла терминатора. Я могу предоставить снимки высокого раз-

решения для любого участка поверхности. Также я настаиваю на том, чтобы цвета гобеленов соответствовали реальной минералогической карте луны. Море Спокойствия — базальтовое, тёмно-серое с синеватым отливом. Море Дождей — более тёмное, с коричневатыми включениями. Кратер Тихо...

— Подождите, — перебила Алиса. — Вы хотите, чтобы я ткала луну в базальтовых оттенках?

— А вы хотите сделать её серебряной, как в сказках? — парировал он.

— Я хочу сделать её живой, — сказала она, подаваясь вперёд. — Луна, которую видит человек, не коричневая и не синяя. Она серебряная, золотая, жемчужная, пепельная. Да, наука говорит, что это обман зрения, игра атмосферы, но этот обман — часть человеческого опыта. Вы хотите убрать из проекта всё, ради чего люди вообще смотрят на небо?

— Я хочу убрать из проекта ошибки. Если мы покажем луну неправильно, любой астроном-любитель нас высмеет.

— А если мы покажем луну правильно, но бездушно, над нами не будет смеяться никто — на нас просто не будут смотреть! — Алиса почти крикнула, и Вера Игнатьевна подняла ладонь, призывая к тишине.

— Достаточно, — сказала галеристка. — Вы оба правы. И вы оба неправы. Именно поэтому я и собрала вас вместе.

Она встала, прошла по кабинету, остановилась у чёрно-белого гобелена Клавдии Смирновой.

— Посмотрите на эту работу, — сказала она. — Смирнова была не астрономом. Она была ткачихой и вдовой астронома. Её муж работал в Пулковском в шестидесятые и погиб, когда их сыну было три года. Она никогда не смотрела в телескоп — она ткала луну по его дневникам. И вот что получилось: не точная карта, но точная боль. Луна, которую можно потрогать.

Вера повернулась к ним.

— Я не хочу повторения этой истории. Я не хочу, чтобы искусство плакало по науке или наука презирала искусство. Я хочу, чтобы они работали вместе. И для этого я вношу в контракт специальное условие. Слушайте оба.

Она вернулась к столу, вынула из ящика две папки с документами.

— Проект «Фазы Луны» реализуется в тандеме. Это значит, что ни одно решение — ни по цвету, ни по композиции, ни по научному содержанию — не принимается единолично. Вы будете работать вместе. Обсуждать. Спорить. Искать компромисс. Если один из вас выходит из проекта — проект закрывается. Если вы не можете договориться — решаю я. Но я предпочитаю, чтобы вы научились договариваться сами.

Алиса и Максим переглянулись. В этом взгляде не было ни симпатии, ни примирения — только взаимная оценка, как у двух фехтовальщиков перед боем. Но где-то глубоко, под слоем настороженности, она почувствовала что-то ещё — любопытство. Искру.

— Сколько времени у нас есть? — спросил Максим.

— Полтора года. Первый этап — концептуальный: вы вместе разрабатываете эскизы всех двенадцати гобеленов. На это у вас три месяца. Параллельно выезжаете на натурные наблюдения. Я хочу, чтобы вы видели луну не только на экране и не только на бумаге.

— Натурные наблюдения? — переспросила Алиса.

— Да. Пулковские высоты. Белые ночи. Осеннее полнолуние над Невой. Зимнее лунное гало. Я хочу, чтобы вы смотрели на луну вместе. Иначе у вас не получится единого проекта — получится лоскутное одеяло.

Максим хмыкнул, но промолчал.

— И последнее, — Вера Игнатьевна обвела их взглядом. — Я вижу, что вы уже готовы вцепиться друг другу в горло. Это нормально. Я бы даже сказала — это хорошо. Хуже всего для проекта — равнодушие. Но запомните: я ставлю на вас. На вас обоих. Не подведите.

После этого она закурила свой мундштук, выпустила струйку дыма к потолку и объявила:
— А теперь — идите. У вас есть неделя, чтобы познакомиться с материалами друг друга.
Через неделю жду вас здесь же с первыми совместными набросками.

Они вышли из галереи почти одновременно и остановились у двери во двор-колодец. Солнце уже перевалило зенит, и в колодце царила та особенная, петербургская полутьма — светлая, но лишённая прямых лучей. Пахло нагретым камнем и тополиными почками.

Алиса повернулась к Максиму. Тот смотрел куда-то поверх её плеча, и лицо у него было отсутствующее — будто он уже обдумывал какой-то следующий шаг, следующую задачу.

— Значит, работаем вместе, — сказала она, разрывая молчание. — Мир?

— Мир — это перемирие, — ответил он, переводя на неё взгляд. — Нам предстоит не мир, а сотрудничество. Это разные вещи.

— Вы всегда такой... — она замялась, подбирая слово.

— Какой?

— Точный?

Он вдруг улыбнулся — впервые за всё время. Улыбка оказалась неожиданной: короткой, сдержанной, но смягчившей всё его резкое, угловатое лицо.

— Я астрофизик. Точность — моя профессия.

— А душа? — спросила она и сама удивилась вопросу. — У души тоже есть профессия?

Улыбка погасла так же быстро, как появилась. Он сунул руки в карманы и, уже поворачиваясь к выходу на Моховую, бросил через плечо:

— Я не верю в душу. Я верю в нейроны.

И ушёл — быстрым, размашистым шагом, каким ходят люди, привыкшие всегда и всюду опаздывать или, наоборот, нигде не задерживаться дольше необходимого.

Алиса осталась стоять у двери. Она смотрела ему вслед, пока его фигура не исчезла за углом, и думала странную, нелепую мысль: «Кто-то очень сильно сделал тебе больно. Кто-то — или что-то».

Она не могла объяснить, откуда это знание взялось. Но оно было — ясное, точное, как та самая спектрограмма, которую он ей показывал. И ещё она знала другое: в его глазах, когда он улыбался, мелькнуло что-то живое. Что-то, чему он сам, возможно, не позволял существовать.

Она прижала к груди папку с бабушкиным дневником и медленно пошла в сторону набережной. Ей нужно было подумать. Очень много подумать.

И где-то на полпути к Неве она вдруг поняла, что забыла спросить его имя-отчество. «Максим Ершов», — сказала Вера Игнатьевна. Ершов. Простая фамилия. А имя — Максим. Она произнесла это про себя, пробуя на вкус, и вдруг остановилась посреди тротуара, потому что вспомнила. В бабушкином дневнике, который она перечитывала вчера ночью, на одной из страниц за 1965 год, было написано:

«Сегодня К.М. принёс мне осколок метеорита. Сказал: „Это частица луны, Вера. Настоящая“. Я взяла её в ладони, и она была тёплая. От его рук».

К.М.

Алиса стояла, глядя на проплывающие по Фонтанке облака, и медленно, по кусочку, собирала в голове невозможную, невероятную догадку. Но потом тряхнула головой и сказала себе: «Совпадение. Просто совпадение».

В конце концов, сколько в Ленинграде было астрономов с инициалами К.М. в 1965 году? Наверняка много. Очень много.

Но луна, бледневшая в дневном небе, знала правду. И улыбалась — тонким, едва заметным серпом.

В это же время Максим шагнул к метро «Чернышевская», почти не глядя по сторонам. Он был зол. Зол на себя — за эту дурацкую фразу про дилетантство, за то, что она так легко его поддела, за то, что эти орнаменты действительно оказались основаны на данных NASA, а он, эксперт, не заметил этого с первого взгляда. Зол на Веру Игнатьевну — за её менторский тон и обязательное условие работать в тандеме. Зол на эту девушку с серебряной ниткой в вороте, которая смотрит на него слишком прямо и задаёт слишком правильные вопросы.

«Я верю в нейроны». Как глупо. Как по-идиотски глупо это прозвучало. Он сам слышал — прозвучало как бравада подростка, который пытается казаться циничнее, чем он есть. Хотя ведь это правда. Разве не правда?

Он остановился у перехода, дожидаясь зелёного света, и вдруг заметил своё отражение в витрине — высокого, сутулого, с планшетом под мышкой и усталыми, покрасневшими от недосыпа глазами. И вспомнил её взгляд, когда она спросила про душу. В этом взгляде не было кокетства или насмешки — был настоящий, искренний интерес. Так смотрят не на противника. Так смотрят на человека, которого пытаются понять.

Максим шумно выдохнул. Это будет трудно. Она — со своей лунной магией, бабушкиными дневниками и верой в то, что нить, сотканная при луне, хранит судьбу. Он — со своими спектрограммами и нейронами. Вера Игнатьевна, должно быть, не в своём уме, если думает, что они смогут работать вместе.

Но где-то в глубине сознания, куда он сам боялся заглядывать, уже пульсировала мысль: «А ты видел, как она защищала свои рисунки? Видел, как у неё загорелись глаза, когда она говорила про орнаменты на основе либраций?»

Такие глаза он видел раньше. У Лены. Когда она спорила с ним о чём-то, во что верила.

Максим тряхнул головой, отгоняя воспоминание. Загорелся зелёный, и он быстро перешёл дорогу, почти бегом, словно пытался убежать от собственных мыслей.

Но луна в дневном небе — та самая, которую он изучал всю жизнь, которую препарировал на атомы и фотоны — висела над крышами, тонкая, серебряная, почти прозрачная. И молчала. Как всегда молчала.

Но сегодня в её молчании ему почудилась усмешка.

Глава 3. Узор созвездий

Приглашение в мастерскую Алиса отправила поздним вечером во вторник — короткое, сухое сообщение в мессенджере: «Если хотите посмотреть, с чем предстоит работать, приходите завтра к шести. Адрес прилагаю». Она намеренно не стала звонить — звонок предполагал бы разговор, интонации, неловкие паузы, а ей нужно было сохранить дистанцию. Деловую. Рабочую. Такую, какую предпочитал он сам.

Максим ответил через сорок минут — должно быть, как раз закончил вечерний семинар с аспирантами. Одно слово: «Буду».

Алиса долго смотрела на это «буду» и не могла понять, почему оно вызывает у неё одновременно и облегчение, и тревогу. В конце концов, она просто пригласила коллегу по проекту в профессиональное пространство. Так делают все. Это нормально.

Но её мастерская никогда не была просто «профессиональным пространством». Она была убежищем. Коконом. Местом, куда за последние два года не ступала нога почти ни одного постороннего человека, кроме Сони — да и та приходила только по праздникам, с коробкой эклеров и сплетнями. А теперь сюда должен был войти он — со своим планшетом, скепсисом и этими чёрными глазами, которые, казалось, видят любую неточность насквозь.

Поэтому в среду с самого утра Алиса занялась тем, чем всегда занималась в минуты сильного волнения: уборкой. Не той поверхностной, которую делают перед приходом гостей, — а глубинной, почти ритуальной. Она перебрала мотки, разложила их по цветам и фактурам, протёрла пыль с книжных полок, вымела невидимые нитки из щелей старого паркета, даже помыла окна — впервые с прошлой осени. К пяти часам мастерская сияла чистотой, а сама Алиса сидела на подоконнике, пила уже третью за день кружку мятного чая и пыталась убедить себя, что она не волнуется.

Не помогало.

Ровно в шесть в дверь постучали. Не позвонили в домофон — он, видимо, проскользнул за кем-то из жильцов, — а именно постучали: три коротких, чётких удара костяшками пальцев. Алиса открыла и увидела его на пороге — без планшета, но с небольшим кожаным портфелем в руке. Одет, как и в прошлый раз, в тёмное, но сегодня к водолазке добавился лёгкий пиджак, чуть помятый на локтях.

— Здравствуйте, — сказал он, шагнув через порог. — Я не опоздал?

— Вы всегда приходите минута в минуту?

— Привычка. Астрономические наблюдения не терпят опозданий. Если пропустил фазу — всё, жди месяц.

— Тогда проходите, — она отступила в сторону, освобождая проход. — Добро пожаловать в «Лунный шёлк».

Максим вошёл и остановился. Алиса видела, как его взгляд медленно обводит пространство: высокий, скошенный потолок мансарды с потемневшими от времени балками, огромное окно во всю стену, выходящее на запад, где сейчас, в предвечерний час, клубились сизые облака, подсвеченные заходящим солнцем. Вдоль стен — стеллажи с мотками пряжи, похожие на гигантские соты. В центре, на деревянном помосте, — большой ткацкий станок: старинный, с вытертыми до блеска рукоятками, с натянутой основой из серебристо-серого шёлка. Рядом — стол поменьше, с настольным станочком для миниатюр. У окна — рабочее кресло, обтянутое выцветшим гобеленовым полотном, и низкий столик, на котором сейчас громоздились альбомы и коробки с бисером.

— Сколько лет этому станку? — спросил он наконец.

— Большому — около ста десяти. Его ещё прабабушка выписывала из Германии перед Первой мировой. А малый — бабушкин, ему около семидесяти.

— И он до сих пор работает?

— А вы думали, я тут исключительно для антуража сижу? — Алиса усмехнулась, подходя к большому станку и кладя ладонь на вытертое дерево. — Это мой главный инструмент. Хотите посмотреть, как он устроен?

Максим кивнул, и она впервые увидела в его взгляде не скепсис, а нечто иное — то особое, цепкое внимание, с которым профессионал разглядывает незнакомый, но потенциально интересный механизм. Он подошёл ближе, и Алиса начала объяснять — может быть, чуть более подробно, чем требовалось, но ей было важно, чтобы он понял.

— Вот это — основа. Вертикальные нити, натянутые на раму. Их триста двадцать. Вот это — ремизки, они поднимают и опускают группы нитей, создавая зев. Челнок проходит сквозь зев и прокладывает уток. Потом я прибиваю нить бердом — вот этой гребёнкой. И так — ряд за рядом, час за часом. Большой гобелен размера, который хочет Вера Игнатьевна, — это примерно месяц работы, если ткать по десять часов в день.

— Месяц? — он не скрывал удивления. — Это же... как миниатюра на гобелене Байё. Я думал, сейчас всё делают машины.

— Машины делают ткани. А гобелен, — она коснулась натянутой основы, — это не ткань. Это живопись нитью. Машина не может передать дрожание руки, непреднамеренный узелок, изменение натяжения, которое рождает фактуру. Вот, смотрите.

Она подвела его к стене, где висели две её работы — законченные панно небольшого формата. Одно изображало грозовое небо над Невой, второе — ночной лес с просветом лунного света между стволами.

— Видите разницу между гладким участком и вот этим? — она указала на неровную, чуть вздувшуюся нить в центре лунного пятна. — Это брак. Я случайно натянула уток сильнее, чем нужно. Но когда я увидела результат, я поняла, что именно эта неровность создаёт объём. Свет стал живым. Машина так не сделает — она запрограммирована на идеальную равномерность.

Максим молчал, разглядывая гобелен. Потом протянул руку и — неожиданно для неё и, кажется, для самого себя — коснулся ткани кончиками пальцев. Провёл по шероховатой нити, по гладкому шёлку рядом, по тому месту, где свет переходил в тень.

— Вы это чувствуете? — спросила Алиса тихо.

— Что именно?

— Разницу. Гладкий шёлк — холодный. А этот, с ворсом, — теплее. Хотя они в одной комнате, при одной температуре.

— Этого не может быть, — машинально ответил он, но пальцы не отдернул. — Теплопроводность шёлка не зависит от фактуры.

— Зависит от восприятия. — Она улыбнулась. — Вы, как учёный, должны знать, что человеческая рука различает разницу в текстуре на микронном уровне. И мозг интерпретирует шероховатость как «тепло». Это нейроны, Максим Андреевич. Те самые, в которые вы верите.

Он поднял на неё глаза, и в них на секунду мелькнуло что-то почти весёлое — тень той самой улыбки, которую она уже видела возле галереи.

— Один-ноль в вашу пользу, — сказал он, убирая руку.

После этого они переместились к стеллажу с материалами. Алиса показывала ему мотки — один за другим, как фокусник показывает карты. Шёлк-сырец, ещё не обработанный, жёсткий и блестящий, как рыба чешуя. Шерсть тонкорунная, крашенная луковой шелухой в тёплый золотистый. Лён, выбеленный на солнце и росе, — «это для летних ночей, видите, какой холодный оттенок?». Хлопок, окрашенный индиго, глубокий, почти чёрный, с синим отливом. И, наконец, самое драгоценное: шёлк, выбеленный исключительно лунным светом.

— Вот, — сказала она, протягивая ему небольшой моток. Нить была не чисто-белая, а скорее серебристо-серая, с едва уловимым перламутровым свечением. — Это то, что я использую для лунных дорожек.

— Выбелен лунным светом, — повторил Максим, беря моток и поднося его к свету. — Простите, но с точки зрения физики это звучит как...

— Как мистическое дилетантство, я помню. — Алиса скрестила руки на груди. — Поэтому я предлагаю вам проверить. У меня есть микроскоп.

Она подвела его к рабочему столу, где рядом с коробками бисера стоял старый, но добротный «ЛОМО» — биологический микроскоп, который бабушка когда-то купила для анализа нитей. Алиса вынула из мотка одиночную нить лунного шёлка, аккуратно зажала её между двух лабораторных стёкол и протянула Максиму.

— Прошу. Увеличение четыреста крат. Сравните с обычным шёлком — вон тот, белый, из коробки, — это фабричный, отбеленный перекисью водорода.

Максим взял препарат с таким выражением лица, с каким ребёнок берёт незнакомую, но многообещающую игрушку. Склонился над окуляром, покрутил ручку фокусировки. Прошло полминуты. Потом минута. Потом он выпрямился, взял второй препарат — с фабричным шёлком, — снова склонился над микроскопом.

— Ничего себе, — пробормотал он.

— Что?

— Поверхность. — Он поднял голову, и в его глазах горел тот самый огонь, который Алиса раньше видела только у коллег-реставраторов при обнаружении редкого пигмента. — У фабричного шёлка поверхность покрыта микротрещинами. Это результат химического отбеливания — перекись разрушает белковые цепочки, делает волокно хрупким. А у вашего... у лунного... никаких трещин. Вообще. Гладкость, как у синтетики, но структура натуральная. Этого не может быть.

— Однако есть.

— Чем вы это объясняете?

— Я не объясняю, — Алиса пожала плечами. — Я просто знаю, как это делается. Нить натягивается на раму и выставляется на крышу в полнолуние. На три ночи. Потом переворачивается — и ещё на три ночи. И всё.

— Этого недостаточно, чтобы отбелить шёлк. Лунный свет — это отражённый солнечный свет, в нём нет ультрафиолета, способного разрушать пигменты.

— Значит, дело не в ультрафиолете.

— А в чём? В магии?

— Может быть. — Она встретила его взгляд прямо. — А может быть, в чём-то, что наука ещё не научилась измерять.

Максим медленно выпрямился. Посмотрел на микроскоп, потом на неё, потом снова на моток в своей руке. Алиса видела, как в нём борются двое: один — скептик, готовый уже произнести очередное «этого не может быть», и другой — учёный, который только что увидел аномалию и теперь не может о ней не думать.

— Вы позволите мне взять образец? — спросил он наконец. — На анализ. Спектрография, электронная микроскопия — у нас в лаборатории есть оборудование поточнее.

— Берите. Только верните потом. Эта нить дорогая. Не в денежном смысле — в другом.

— В каком?

— Она ткётся только при свете полной луны. Таких ночей в году двенадцать. Если испортить моток — нового придётся ждать месяц. Или год, если лето облачное.

Максим аккуратно, почти благоговейно смотал несколько сантиметров нити в отдельный пакетик, который достал из портфеля. Алиса заметила, что портфель у него старый, кожаный, с монограммой «К.М.» на застёжке.

— Это вашего деда? — спросила она, указывая на инициалы.

— Да. — Он быстро, почти резко захлопнул портфель. — Константин Максимович Ершов. Тоже астроном. Работал здесь, в Пулков, в пятидесятых-шестидесятых.

Алиса замерла. Сердце пропустило удар.

— Константин Максимович... — повторила она. — К.М.

— Да. А что?

— Нет, ничего. — Она отвернулась, делая вид, что поправляет мотки на полке. В голове пронеслось: «К.М. принёс мне осколок метеорита...» Совпадение или нет? Инициалы и место работы совпадают. Но фамилия... Ершов — достаточно распространённая. И потом, бабушка никогда не упоминала фамилии «Ершов» в дневниках — только инициалы. Алиса решила пока не поднимать эту тему. Слишком рано. Слишком странно.

— Я хотела предложить чай, — сказала она, меняя тему. — На крыше. Вечер обещает быть ясным, а там у меня что-то вроде... наблюдательного пункта.

— На крыше? — Максим приподнял бровь.

— Да. Это одна из причин, почему я выбрала эту мастерскую. У неё есть выход на крышу. И вид — до самой Невской губы в хорошую погоду.

Он помедлил секунду, потом кивнул.

— Чай — это хорошо.

На крышу вела узкая винтовая лестница, спрятанная за дверью в дальнем углу мастерской. Алиса шла первой, держа в одной руке поднос с двумя кружками и заварочным чайником, а в другой — старый бабушкин палантин, который она накинула на плечи. Максим поднимался следом, и она спиной чувствовала его взгляд — оценивающий, но уже не враждебный, скорее изучающий.

Крыша оказалась плоской, с небольшим парапетом, вдоль которого Алиса расставила несколько глиняных горшков с мятой и мелиссой. В углу притулились два раскладных стула и низкий столик из корабельной доски — почерневшей, иссечённой непогодой, но крепкой. Над головой небо уже начало гаснуть: солнце село, облака окрасились в сиреневые и пепельные тона, и на востоке, над трубами и шпилями, проступила бледная точка — Юпитер, кажется, или Сатурн. Алиса в астрономии была слаба.

Зато Максим, едва ступив на крышу, немедленно задрал голову и замер, как охотничья собака, почуявшая дичь.

— Юпитер, — сказал он удовлетворённо. — И, кажется, Вега уже видна. У вас тут отличное небо для города. Мало засветки.

— Это потому, что район старый, фонарей немного, — объяснила Алиса, расставляя кружки. — И мастерская на крыше, выше деревьев. Бабушка специально выбирала это место. Говорила: «Ткачихе нужен свет. А лунной ткачихе — луна».

— Ваша бабушка явно была незаурядным человеком.

— Она была... — Алиса помедлила, наливая чай, — всем.

Они сели. Максим — на раскладной стул, который скрипнул под его весом, но выдержал. Алиса — на второй, подобрав под себя ноги и кутаясь в палантин. Вечерний воздух был прохладен, но не холоден — та особая июньская свежесть, которая бодрит, не заставляя дрожать. С улицы доносился приглушённый шум города: далёкие трамваи, чей-то смех, музыка из открытого окна. И над всем этим медленно, величественно разгорался небесный купол.

— Расскажите мне про неё, — попросил Максим, беря кружку. — Про бабушку.

Алиса помолчала. Она не была уверена, что готова говорить о бабушке с человеком, который ещё неделю назад называл бы её верования «мистическим дилетантством». Но в его голосе сейчас не было насмешки — был только интерес. Тот самый цепкий, живой интерес, который она уже видела у микроскопа.

— Её звали Вера, — начала она. — Вера Петровна Градова. Она родилась в 1939-м, пережила блокаду — совсем маленькой, но помнила вкус столярного клея. Её мать, моя пра-

бабушка, была ткачихой на фабрике «Красная нить». А бабушка уже училась в Мухинском училище, на текстильном отделении. И именно там она начала... верить.

— Во что?

— В то, что луна влияет на нить. Не просто на цвет — на всё. На то, как нить ложится в узор. На то, как она держит свет. На то, как ткань «дышит» — да, она говорила именно так: «ткань дышит». Она вела дневники, где записывала, в какую фазу луны какую работу делала. И к концу жизни у неё собралась целая система. В новолуние — начинать основу. В первую четверть — ткать узор. В полнолуние — выбеливать нити или работать с серебром. На убывающей луне — исправлять ошибки.

— И что, работало? — Максим хмыкнул, но не язвительно, а скорее задумчиво.

— Я не знаю, работала ли система, или бабушка просто была гениальной ткачихой, — честно сказала Алиса. — Но факт остаётся фактом: её работы до сих пор выглядят так, будто их соткали вчера. А мои, — она кивнула в сторону мастерской, — даже с химическими красителями, даже с современными фиксажами, иногда выцветают. Кроме тех, что я делаю по её методу.

— Лунный шёлк.

— Да. Лунный шёлк. — Она отпила чай и посмотрела на небо. Там, над крышами, уже проступили первые звёзды, и тонкий серп молодого месяца висел над трубой котельной, чуть наклонившись, как серебряная лодочка. — Бабушка говорила, что лунный свет — это не просто свет. Это... как бы объяснить... нить, которая связывает все предметы. Как паутина. И ткач, работая при луне, вплетает в ткань не просто цвет и фактуру, а саму связь между вещами.

— С точки зрения физики, — начал Максим, но осёкся. — Нет, простите. Я не буду. Я просто слушаю.

Алиса удивлённо посмотрела на него. Он действительно слушал — не готовил в голове возражение, не прокручивал в уме контраргументы, а просто слушал, обхватив кружку ладонями.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— За что?

— За то, что не стали спорить. Я устала защищаться.

Максим отвёл взгляд. Сделал глоток чая. Потом сказал — медленно, будто взвешивая каждое слово:

— Я не собираюсь спорить с верой. С фактами — да. С ошибками — да. Но вера — это не ошибка. Это... другая категория.

— Вы верите в нейроны, — напомнила она, и он коротко усмехнулся.

— Нейроны — это не вера. Это подтверждённые данные.

— А любовь? — Алиса сама не знала, почему спросила это именно сейчас, именно здесь, на крыше, под звёздами. Может быть, во всём был виноват чай. Может быть — тишина. А может — этот странный, непривычный Максим, который сейчас сидел рядом, расслабленный, без своего обычного панциря, и смотрел на небо.

— Любовь, — повторил он. — Вы хотите спросить, верю ли я в любовь?

— Да.

— С научной точки зрения любовь — это сложный нейрохимический процесс, включающий дофамин, серотонин и окситоцин. — Он говорил ровно, как на лекции, но в голосе звучала какая-то скрытая, тщательно подавляемая горечь. — Это факт. Но факт ничего не объясняет. Он просто говорит: «происходит то-то и то-то». А почему это происходит с конкретным человеком, в конкретный момент, почему этот запах, этот взгляд, этот голос — почему они запускают всю эту химию?.. Наука ответа не даёт.

— Может быть, это и есть магия? — тихо сказала Алиса.

— Может быть.

Повисла пауза. Долгая, но не неловкая — скорее задумчивая. Ветер принёс откуда-то запах цветущей липы. Алиса поёжилась под палантином, и Максим, заметив это, стянул с себя пиджак и протянул ей.

— Не надо, — запротестовала она.

— Надо. Вы дрожите. А я к холоду привычный — ночные наблюдения.

Она накинула пиджак поверх палантина. От него пахло чем-то неуловимым — не одеколоном, не табаком, а чем-то сухим, тёплым, может быть, нагретой электроникой или пылью библиотек. Станный, но приятный запах.

— Расскажите о себе, — попросила она. — О вашем дед. Вы сказали, портфель деда. Он ведь тоже астроном?

— Дед? — Максим помрачнел. — Да, астроном. Работал здесь, в Пулков, с пятьдесят пятого по шестьдесят девятый. Потом ушёл — не по своей воле. Какая-то тёмная история с доносом, с обвинением в мистицизме. Я никогда не знал подробностей. Отец не рассказывал, а когда я вырос, спрашивать было уже некого.

— В мистицизме? — переспросила Алиса, и сердце у неё снова дрогнуло.

— Да. Представляете — астронома обвинили в мистицизме. Смешно. — Он горько усмехнулся. — Дед был блестящим учёным, но, говорят, увлекался чем-то таким... непрофильным. Луна и мифы, луна и фольклор, луна и текстиль — не знаю точно. Отец эту тему не поднимал. А меня в детстве интересовало только звёздное небо, а не семейные скелеты.

— Луна и текстиль, — повторила Алиса одними губами. Теперь сомнений почти не оставалось. К.М. из бабушкиного дневника и Константин Максимович Ершов — один человек. Дед Максима. Астроном, который любил её бабушку Веру. Который приносил ей осколок метеорита. Который, возможно, работал с ней над каким-то проектом — и был наказан за это.

Она почувствовала, как земля слегка уходит из-под ног. Это было слишком. Слишком много совпадений. И слишком рано, чтобы рассказывать Максиму о дневнике. Во-первых, он может не поверить. Во-вторых, она сама ещё не разобралась в своих чувствах по этому поводу. В-третьих... если это правда, то их встреча — не случайность. И эта мысль пугала её больше всего.

— Алиса? — Максим, заметив её молчание, наклонился. — Что-то не так?

— Нет, — она тряхнула головой, отгоняя мысли. — Просто задумалась. Знаете, иногда кажется, что нити судьбы действительно существуют. И они переплетаются так странно, что...

Она не договорила. Потому что в этот момент в тишине раздалась трель.

Соловей.

Он пел где-то совсем близко — может быть, в палисаднике соседнего дома или в ветвях старой липы, нависавшей над крышей. Его трель была чистой, хрустальной, переливчатой — той самой, которую в городе услышишь нечасто. Алиса замерла с кружкой в руке. Максим поднял голову, вслушиваясь.

Они сидели так несколько долгих мгновений — не шевелясь, не говоря ни слова, пока соловей выводил свою сложную, многоколенную песню. И когда он умолк — так же внезапно, как начал, — тишина показалась не пустой, а наполненной. Как будто песня всё ещё звенела в воздухе, только теперь — внутри них.

Алиса повернулась к Максиму. Он смотрел на неё. И в его взгляде — в этих тёмных, почти чёрных глазах — больше не было ни скепсиса, ни настороженности, ни той вечной готовности к спору. В них было что-то другое. Что-то, что она не могла — или боялась — назвать.

— Спасибо, — сказал он вдруг.

— За что?

— За это. — Он обвёл рукой крышу, небо, луну, её саму. — За всё. Я не помню, когда в последний раз сидел и просто... слушал. Без цели. Без задачи. Без необходимости что-то анализировать.

— Это и есть жизнь, Максим Андреевич. — Она впервые назвала его по имени-отчеству, и ей показалось, что эти слова звучат тепло, даже интимно. — Не анализ. А просто... бытие.

— Научите? — спросил он, и это прозвучало наполовину в шутку, наполовину — очень, очень серьёзно.

— Ткать или жить?

— И тому, и другому.

Алиса улыбнулась. Искра, пробежавшая между ними в этот момент, была не физической — никакого электрического разряда, — но она была реальной. Как та самая аномальная гладкость лунного шёлка под микроскопом. Как трель соловья, которая ещё звенела в ушах. Как свет молодого месяца, серебривший края облаков.

— Тогда вам придётся приходить сюда чаще, — сказала она. — Проект — это одно. А научиться жить — это дольше.

— Я не тороплюсь, — ответил он. — Я астроном. Я привык ждать. Иногда годами.

И в этой фразе ей почудился двойной смысл, но она не стала его расшифровывать. Просто сидела, пила остывший чай и смотрела, как над Петербургом разгорается ночь — белая, прозрачная, с единственной звездой (Юпитер? Вега?) и тонким серпом луны.

А пиджак Максима всё ещё лежал на её плечах, и она не спешила его возвращать.

Они спустились с крыши около полуночи. В мастерской было темно, только лунный свет — уже не серп, а лёгкое свечение за облаками — пробивался сквозь огромное окно, рисуя на полу бледные прямоугольники.

Максим задержался у порога, явно не решаясь уходить.

— Можно вопрос? — спросил он.

— Можно.

— Вы сказали, что лунный шёлк — только одна из техник. А что ещё? Какие ещё материалы вы используете для... для магии? — он произнёс это слово с лёгкой, пробной иронией, но без прежней резкости.

— Завтра, — сказала Алиса, усмехнувшись. — Приходите завтра — покажу. И, может быть, даже дам вам в руки челнок.

— Я не опоздаю, — пообещал он и впервые за вечер улыбнулся — широко, открыто, так, что резкие скулы смягчились, а в уголках глаз собрались морщинки.

Когда дверь за ним закрылась, Алиса прислонилась к косяку и выдохнула. Очень, очень медленно.

— Бабушка, — прошептала она в пустоту мастерской, — ты это видела? Если это твоих рук дело — то предупреждать надо.

Луна за окном молчала. Но ей показалось, или на одно короткое мгновение облака разошлись, и луч света — чистый, серебряный — упал прямо на дневник, лежавший на полке. На ту страницу, где бабушка Вера когда-то написала:

«К. сказал, что луна сводит людей не случайно. Я верю. Я верю ему. Я верю в нас».

Алиса закрыла дневник и долго стояла в темноте, прижимая к груди пиджак, который так и забыла вернуть.

Глава 4. Теневые петли

Июнь в Петербурге — время, когда ночь не наступает вовсе, а лишь притворяется: небо гаснет до густо-синего, но на севере, над заливом, всё равно дрожит бледная, почти электрическая полоса. Однако в полнолуние эта иллюзия исчезает. Луна заливает город таким ярким, щедрым светом, что белая ночь отступает, становится просто фоном, размытым акварельным подмалёвком, а на первый план выходит она — огромная, круглая, золотисто-серебряная.

В такое полнолуние и было назначено первое совместное наблюдение.

Максим заехал за Алисой ровно в одиннадцать вечера на старой, но ухоженной «Ниве» — машине, которую он ласково называл «луноходом» и которая действительно напоминала небольшой вездеход: вся в царапинах, с багажником, забитым оборудованием, и с запахом нагретого металла и кофе внутри. Алиса вышла из подъезда, держа в руках корзинку с термосом и бутербродами, которые они с Соней на скорую руку соорудили час назад. Соня, конечно, не преминула прокомментировать: «Ночное свидание с астрофизиком? Алиса, это либо начало великой любви, либо сценарий для сериала про маньяков, но я в тебя верю».

«Рабочая поездка», — сухо отрезала тогда Алиса, хотя сердце колотилось так, что было слышно в ушах.

Сейчас она села на пассажирское сиденье, пристегнулась и молча кивнула Максиму. Он ответил коротким «добрый вечер», включил зажигание, и «Нива», чихнув, покатила в сторону Московского шоссе. В салоне пахло кофе, старой обивкой и чем-то ещё — тем самым сухим, тёплым запахом, который она уже запомнила.

— На Пулковские высоты, — сказал он, не столько ей, сколько себе. — Там есть точка, где засветка минимальная. В городе в полнолуние смотреть неинтересно — луна слишком яркая, забивает всё остальное.

— А мы будем смотреть на что-то кроме луны?

— На луну в первую очередь. Но я покажу вам Юпитер, если повезёт. И, может быть, шаровое скопление в Геркулесе. — Он говорил спокойно, но Алиса заметила, как пальцы его слегка подрагивают на руле. Тоже волнуется? Или просто устал?

Они выехали за город. Огни витрин и фонарей сменились редкими фарами встречных машин, а потом и вовсе исчезли — дорога пошла вверх, петляя между холмами, поросшими соснами. Максим свернул на едва заметную грунтовку, и «Нива» запрыгала по ухабам. Ветки хлестали по бокам, где-то в лесу ухнул филин.

— Долго ещё? — спросила Алиса, вцепившись в ручку.

— Почти приехали. Это одно из моих мест. Знаю его уже лет десять.

Он заглушил двигатель на небольшой поляне, с которой открывался вид на город. Точнее, на россыпь огней внизу и на огромный, залитый лунным светом купол неба. Ветра здесь, на высоте, не было — стояла та особенная, звенящая тишина, в которой слышно собственное дыхание.

Алиса вышла из машины и замерла. Луна висела прямо перед ней — низкая, ещё чуть желтоватая у горизонта, но уже наливающаяся холодным серебром по мере того, как поднималась выше. Она была такая яркая, что на земле лежали чёткие, резкие тени — тени от сосен, от машины, от них двоих.

— Красиво, — выдохнула она.

— Да, — согласился Максим, уже вытаскивая из багажника кофр с телескопом. — Но мы сюда не за красотой. А за точностью.

— Вы невыносимы, — сказала Алиса, но без злобы.

— Знаю.

Он устанавливал телескоп быстро, уверенно — движения были отточены до автоматизма. Алиса смотрела, как его руки работают с треногой, с креплениями, с окулярами, и поймала себя на мысли, что в этих движениях есть своя, особая красота. Красота точности. Красота мастерства. Она, как человек, работающий руками, умела это ценить.

— Готово, — объявил он через четверть часа. — Идите сюда.

Она подошла. Телескоп был направлен на луну, и Максим, нагнувшись к окуляру, что-то подкручивал.

— Смотрите. Я настроил на терминатор — это граница света и тени. Здесь кратеры видны лучше всего.

Алиса приникла к окуляру. Первую секунду она ничего не видела — только размытый свет, — но потом глаз привык, и мир внутри телескопа обрёл резкость.

Это было невероятно.

Луна, которую она видела тысячи раз, знала наизусть в каждой фазе, которую ткала и рисовала, — эта луна вдруг оказалась совсем другой. Чужой. Незнакомой. Огромные, резко очерченные кратеры громоздились один на другой, отбрасывая длинные, чёрные тени; горные хребты тянулись через весь диск; «моря» — тёмные, гладкие равнины — казались бездонными. И всё это было так близко, так осязаемо, что у Алисы перехватило дыхание.

— Это... — она не нашла слов.

— Кратер Коперник, — сказал Максим у неё над ухом. — Видите центральную горку? Это пик, поднявшийся после удара. А вот эти светлые лучи вокруг — выбросы породы, разлетевшиеся на сотни километров. Этому кратеру около восьмисот миллионов лет. Для луны — почти молодость.

— Поразительно, — прошептала Алиса, не отрываясь от окуляра. — Она такая... мёртвая. И одновременно живая.

— Мёртвая геологически. Но живая в смысле динамики — метеориты падают до сих пор, поверхность меняется, просто очень медленно. Луна не застыла. Она просто живёт в другом темпе.

Он говорил, а Алиса всё смотрела. Потом он предложил поменять окуляр на более сильный, и они вместе склонились над телескопом. Именно в этот момент — когда он показывал ей цепочку кратеров в районе Моря Дождей — его рука, лежавшая на трубе телескопа, случайно коснулась её плеча.

Случайно ли?

Алиса замерла. Прикосновение было лёгким — едва ощутимым сквозь ткань её ветровки, — но по телу пробежал странный, горячий ток. Она не отстранилась. И он не убрал руку. Прошла секунда, две, три — целая маленькая вечность, втиснутая в несколько ударов сердца. Алиса чувствовала тепло его ладони, и это тепло казалось ей более реальным, чем всё остальное: луна в окуляре, сосны вокруг, далёкие огни города.

— Алиса... — начал он, и голос прозвучал незнакомо — глухо, словно через силу.

— Да?

— Посмотрите сюда. Вот этот кратер называется Платон. А рядом — Альпийская долина. Это разлом, который видно даже в бинокль.

Он убрал руку. Быстро, резко, как отдёргивают от горячей плиты. Отошёл на шаг и принялся поправлять треногу, хотя в этом не было никакой необходимости.

Алиса выпрямилась. Внутри у неё всё дрожало — не от холода, а от этой внезапной, оборванной близости. Она не понимала, что это было. То ли он сам испугался, то ли просто вспомнил о профессиональных границах. Но почему тогда в его голосе прозвучала эта глухая, сдавленная нота?

— Я привезла чай, — сказала она нарочито ровным тоном. — И бутерброды. Вы, наверное, голодны?

— Да. Спасибо. Чай — это хорошо.

Они отошли от телескопа. Максим вытащил из багажника два складных стула, потом собрал небольшой костерок в заранее обустроенном кострище — явно не впервые. Огонь занялся быстро, весело, и языки пламени заплясали, отбрасывая причудливые тени на лица. Алиса разлила чай по металлическим кружкам. Пахло дымом, хвоей и мятой.

Они сидели молча, глядя в огонь. Луна поднялась уже высоко и теперь висела прямо над поляной — белая, круглая, с чётким, резким узором кратеров. Ветра по-прежнему не было, только иногда потрескивали ветки в костре. Алиса ждала. Она чувствовала: что-то должно произойти. Что-то назревало в этом молчании, как гроза в душном июльском воздухе.

И Максим заговорил.

— Вы спрашивали меня тогда, на крыше, верю ли я в любовь, — начал он, не глядя на неё. — Я ответил про нейрхимию. Это правда, но не вся правда.

Она молчала.

— Я расскажу вам кое-что. То, что не рассказываю никому. Даже Глебу, моему коллеге. Он думает, что я просто циник. Но цинизм — это... защита.

Он замолчал, подбирая слова. Алиса видела, как тяжело ему даётся каждый слог, и не торопила.

— Мне было двенадцать лет, — сказал он наконец. — Мы жили на Петроградской, в старой квартире с большим балконом. Мама... она была художницей. Не профессиональной — так, для себя. Рисовала акварелью, в основном цветы. И она была лунатиком. Вы знаете, что такое лунатизм?

— Хождение во сне?

— Да. В полнолуние ей становилось хуже. Она вставала по ночам, ходила по квартире, иногда выходила на балкон. Врачи говорили — стресс, переутомление, ничего страшного. Отец обычно запирал балконную дверь. Но в ту ночь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.